

Светлана Анатольевна Мулина
(Омский государственный университет)

**Польская шляхта на государственной службе в Сибири:
проблемы идентификации Польская шляхта на российской
государственной службе в Сибири:
проблемы идентификации**

Polish gentry in the Russian public service in Siberia: identification problems

Keywords: Russian empire, Poles, Siberia, administration, 19th century

Annotation: The text does not pay attention to the number of Poles holding positions in the Russian administration in Siberia, who of them considered himself to be Poles and who no longer, but who the supervisors of these clerks regarded as Poles and what consequences this had for their career. The Polish uprisings in 1830-1831 and 1863-1864 influenced the development of anti-Polish moods in Russian society. Nevertheless, Polish civil servants working in Siberia practically did not feel anti-Polish repression. The attention of the authorities was focused on the political exiles. It was different after the January Uprising, when especially in 1866, on the wave of suspicions that the Poles were preparing the uprising in Siberia, many Polish clerks were dismissed from work. The reason for recognition as a Pole, and therefore "politically suspect", could be not only the origin or the religion, but also the wording of surnames or political views. The clerks themselves, or the superiors who wanted to keep them in office, had to prove that these suspicions were unfounded. Nevertheless, the shortage of civil servants caused that the Poles, including the political exiles, again appeared in the ranks of the Siberian administration.

Polska szlachta na rosyjskiej służbie państwowej na Syberii: identyfikacja problemu

Słowa kluczowe: Imperium rosyjskie, Polacy, zesłanie, Syberia, administracja, XIX wiek.

Streszczenie: W tekście niniejszym zwrócono uwagę nie na to, ilu Polaków zajmowało stanowiska w administracji rosyjskiej na terenie Syberii, kto z nich uważał się za Polaka, a kto już nie, ale kogo za Polaka uważali zwierzchnicy tych urzędników i jakie konsekwencje miało to dla ich kariery. Polskie powstania w latach 1830-1831 i 1863-1864 wpłynęły na rozwój antypolskich nastrojów w społeczeństwie rosyjskim. Niemniej jednak urzędnicy-Polacy pracujący na Syberii praktycznie nie odczuli antypolskich represji. Uwaga władz skupiona była na zesłańcach politycznych. Inaczej było po powstaniu styczniowym, kiedy to zwłaszcza w 1866 roku, na fali podejrzeń o przygotowywanie przez Polaków powstania na Syberii wielu urzędników-Polaków zwolniono z pracy. Powodem uznania za Polaka, a więc „politycznie podejrzanego” mogło być nie tylko pochodzenie czy wyznanie, ale także

brzmienie nazwiska czy polityczne poglądy. Sami urzędnicy, bądź zwierzchnicy, którzy chcieli utrzymać ich na stanowisku, musieli udowadniać, że podejrzenia te są bezpodstawne. Niemniej jednak niedobór kadr urzędniczych spowodował, że z czasem Polacy, w tym również byli zesłańcy polityczni, znów pojawili się w szeregach syberyjskiej administracji.

Исследование отдельных категорий русского населения в Царстве Польше и польского в Российской империи является одной из популярных тем в современной польско-российской историографии. Исследователи обращают внимание не только на законодательно-правовое поле, где разворачивается диалог империи и её подданных, но также на процесс трансформации культурной идентичности и политической лояльности представителей тех или иных страт общества. Особое внимание привлекают гражданские и военные чиновники, являвшееся не только выразителем настроений определенных слоев общества, но и проводниками государственной политики.

В современной историографии присутствует явная региональная диспропорция в изучении этой темы. Наибольшее внимание исследователей вызывает административно-кадровая политика самодержавия в Царстве Польском и Западном крае, где более рельефно отразился процесс формирования имперской идеологии и практики в польском вопросе, принимая форму интеграционных процессов или дискриминационной политики. Достаточно изучен польский чиновный мир столиц империи: Москвы и Петербурга. С другими же регионами дело обстоит сложнее. Даже в истории польско-сибирских исследований, достаточно динамично развивающихся в последние три десятилетия, акцент смещен на изучение политической ссылки XIX в. или добровольного крестьянского переселения на рубеже XIX и XX вв., а работ, специально посвященных чиновничеству польского происхождения, практически нет. Отдельные статьи сводятся к анализу биографий польских чиновников с последующим выводом о том, что представители польского меньшинства внесли свой вклад в развитие практически всех сфер государственного управления Сибири¹.

Исследования затрудняет отсутствие точные статистических данных. По мнению российских ученых, лица нерусского происхождения, считая обрусевших (предки которых оказались в российском подданстве не ранее начала XVIII в.) и принявших православие, составляли до 40% высшего и старшего чиновничества России². Но сколько среди них в процентном отношении составляли поляки, и насколько реальны эти цифры для Сибири, сказать сложно. В формулярных списках фиксировалась не национальная принадлежность, а вероисповедание чиновника, что затрудняет анализ этнического состава российской бюрократии. Не случайно, многие исследователи, обращаясь к процессу формирования провинциальной российской бюрократии, останавливались

¹ Л. К. Островский, *Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века: монография*, Новосибирск 2016, с. 167.

² С. В. Волков, *Почему РФ не Россия* [Электронный ресурс] URL: <http://swolkov.org/russia/russia-142.htm> (дата доступа: 15.08.2017).

на вопросе о социальном происхождении чиновничества, продолжительности пребывания на посту, возрасте и т.д., но обходили стороной анализ её этнического облика³. В статьях, посвященных непосредственно польским чиновникам, служившим в империи, авторы условно определяли национальность по религиозной принадлежности. Например, томский исследователь Василий Антонович Ханевич, анализируя контингент поляков, состоявших на службе в полиции в Томской губернии в XIX – начале XX вв., использует для определения польскости своих героев несколько критериев: религиозную принадлежность, место рождения, правописание фамилии. Но только в редких случаях исследователь смог опереться сразу на три показателя. Ориентируясь только на звучание фамилии, В. А. Ханевич записал в поляки Лаврентия Слатовского – сибиряка, если не по месту рождения (оно не известно), то по месту воспитания; Константина Гомбиньского и Александра Желеньского, о месте рождения и религиозной принадлежности которых, автору ничего не известно⁴. Зачастую историки ведут речь о чиновниках из обрусевших поляков, либо потомков поляков, ориентируясь при их вычленении из общего числа служащих только на звучание фамилий⁵.

Столь же проблематичным выглядит определение культурной идентичности польской шляхты, состоявшей на российской службе. Исследуя поляков, служивших в царском офицерском корпусе, польский историк Веслав Цабан пишет, что в первую очередь от польскости отходили сыновья из польских семей, поселившихся в центральных губерниях Российской империи или даже в Сибири. Это была, главным образом, техническая интеллигенция, которая находила здесь лучшие материальные условия⁶. Сравнительно быстро русифицировались уроженцы Западного края, бравшие в жены россиянок. Выйдя в отставку, они назначались на высокие посты в Королевстве Польском⁷. Исследователь предположил, что сохранению польскости способствовали регулярные контакты с соотечественниками при помощи переписки и отпусков. Но определить, какая доля поляков, лояльно служивших империи в царском офицерском корпусе, не утратила польскость, а какая группа перешла на россий-

³ Например, Н. П. Матханова, *Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации*, Новосибирск 2002; Г. И. Растягаева, *Чиновничий аппарат Главного управления Западной Сибири: 1822-1882 гг.*, автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02, Омск 2006.

⁴ W. Chaniewicz, *Polacy na służbie w policji guberni tomskiej od XIX do początku XX wieku*, [w:] *Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku*, Wrocław 2007, s. 247 – 261.

⁵ О таковых чиновниках, служивших в системе управления горного округа, см.: В. А. Скубневский, *Поляки на Алтае (XIX – начало XX)*, [w:] *Польская интеллигенция в Сибири XIX – XX вв.: Сб. материалов межрегион. тематич. чтений «История и культура поляков Сибири» 2006 – 2007 гг.*, сост. и подгот. к изд. С. В. Леончик, Красноярск 2007, с. 70.

⁶ W. Caban, *W służbie Imperium czy ofiary Imperium? Polacy w carskim korpusie oficerskim w XIX wieku*, [w:] *Ofiary imperium. Imperia jako ofiary. 44 spojrzzenia. Materiały z konferencji „Polityczna, społeczna i cywilizacyjna przemoc w praktyce i koncepcjach Imperium Rosyjskiego i ZSRR. Idee antyimperialne i rozpad imperiów w Europie Wschodniej*, Warszawa 2010, s. 225.

⁷ *Ibid.* s. 226.

скую сторону, ученый не смог. Попытки охарактеризовать культурную идентичность отдельных польских чиновников на основе анализа их поступков и личных высказываний также не многочисленны, поскольку требуют наличия источников личного происхождения⁸.

В настоящей работе сделан акцент изучении внешней идентификации польской шляхты, состоявшей на службе в Сибири, прежде всего, со стороны власти. Современные исследователи, обращая внимание на то, что общность, конструируемая через внешнюю идентификацию, может не совпадать с реальными границами описываемой группы, подчеркивают, что власть, выступая одним из ключевых агентов социального пространства, не просто формирует свое описание реальности, но предлагает ее «официальную» версию». Закрепляя её законом или неформальными практиками, власти транслируют свое видение социальной реальности и на иных участников социального взаимодействия, и даже на членов описываемой группы⁹. Таким образом мы имеем возможность, если и не описать интересующую нас этно-социальную группу, то реконструировать отношение к ней власти и местного населения, оценить внешние условия её адаптации. Поскольку в конституционный период Царства Польского (1815 – 1830 гг.) приток польского чиновничества в империю, особенно в дальние регионы, был незначительным, хронологические рамки исследования ограничим двумя последними третями XIX в., отмеченными польскими восстаниями и массовой ссылкой их участников вглубь империи.

После подавление восстания 1830 - 1831 гг. курс правительства был направлен на рассеивание поляков за пределами исторической родины и побуждение их к государственной службе¹⁰. Параллельно набирал обороты процесс привлечения кадров на службу в сибирские губернии. В одном только 1835 г. выходит несколько именных указов, закрепляющих привилегии чиновникам, служащим в Сибири в получении пенсии, зарплаты, выслуги и других вознаграждений¹¹. Не располагая точными статистическими данными, исследователи фиксируют увеличение притока поляков на службу за Урал лишь на отдельных региональных примерах. Так, на основе метрических книг Томского костела, Рената Валерьевна Оплаканская сделала вывод о росте во второй чет-

⁸ Например, Н. П. Матханова, *Поляки на государственной службе в Сибири: проблемы интеграции до и после Январского восстания*, [w:] *Проблемы российско-польской истории и культурный диалог: материалы Международной научной конференции (Новосибирск, 23 – 24 апреля 2013 г.)*, Новосибирск 2013, с. 135 – 142.

⁹ Подробнее о проблеме соотношения номинируемых властью этнических категорий и групп с социальной реальностью см.: К. В. Григоричев, *В ловушке номинаций: этнические группы в социальном и историческом исследовании*, [w:] *Польские ссыльные с Сибири во второй половине XVIII – начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири: Сб. науч. тр.* Омск 2015, с. 185 – 191.

¹⁰ Подробнее см.: Л. Е. Горизонтов, *Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX - начало XX в.)*, Москва 1999.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗРИ) II, т. 10, ч. 1. № 8164. (26 мая 1835 г.), с. 639; №. 8192. (30 мая 1835 г.), с. 670; ч. 2. № 8468. (14 октября 1835 г.), с. 1016; №. 8489. (15 октября 1835 г.), с. 1037; № 8511. (25 октября 1835 г.), с. 1051.

верти XIX столетия, особенно в период с 1840 по 1850 гг., количества польских чиновников, работавших в сибирской администрации¹².

В этот период основной польский контингент, попадавший на службу в Сибирь, составляли уроженцы западных губерний России. Их привлекали льготы, предоставляемые за службу в отдаленных регионах империи. Например, Викентий Мицкевич, дворян Гродненской губернии, католик за поездку в Сибирь в 1830 г. был награжден званием титулярного советника¹³. Дворянин Могилевской губернии католического исповедания Иван Хоцятковский по прибытии в Томскую губернию был принят на службу в канцелярию общего губернского управления на преимущества, дарованных Высочайшим указом 26 мая 1835 г. с чином канцеляриста, а спустя три года произведен в коллежские регистраторы¹⁴. В последнем случае показательным явилось то, что чиновник и далее остался служить в Сибири, тогда как большинство «искателей чинов», приезжавших из европейской России, по выслуге урочных трех лет покидали Сибирь. Видимо, для уроженцев западных губерний решение отправиться на службу за Урал было вызвано более обдуманном намерением строить дальнейшую карьеру за пределами родного края, да и возвращение на родину в условиях набравшей обороты политики русификации было сопряжено с неопределенностью и даже риском. Ориентируясь на продолжение карьеры в Сибири, поляки серьезно относились к службе, в то время как российские чиновники исполняли обязанности «с явным равнодушием и даже небрежением к общей пользе края», в котором они не планировали служить больше положенного срока¹⁵.

Еще одной категорией чиновников польского происхождения, крепко привязанных к Сибири, стали ссыльные, главным образом, политические преступники. Обладая высоким образованием и испытывая потребность в обеспечении жизни всем необходимым, они становятся источником пополнения рядов разного рода канцелярских служащих. По указу 22 июля 1838 г. сосланные на поселение дворяне и чиновники, пробывшие в Сибири не менее 10 лет, при условии хорошего поведения могли быть определены с согласия сибирского начальства на гражданскую службу. Более того, поступившие на службу ссыльные через 12 лет могли получить первый классный чин¹⁶. В 1841 г. политическим ссыльным уроженцам Царства Польского было разрешено записываться в военную или гражданскую службу. Попасть в ряды сибирской бюрократии могли лишь ссыльные, совершившие незначительные преступления против власти, и зарекомендовавшие себя в течение ссылки с положительной стороны, поэтому,

¹² R. W. Oplakańska, *Polacy na służbie państwowej w Syberii Zachodniej w drugiej ćwierci XIX wieku*, [w:] *Polacy w nauce, gospodarce i administracji...*, s. 212.

¹³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 801, оп. 64/5, д. 5, ч. 4, л. 70 – 73 об.

¹⁴ Государственный архив Томской области (далее: ГАТО), ф. 3, оп. 2, д. 175, л. 11 – 12.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 109, 1 экспедиция. 1835, д. 295 Е, л. 47 об.

¹⁶ А. В. Ремнев, *Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в.*, Омск 1995, с. 231.

замечает Р. В. Оплаканская, общая численность ссыльных, вступивших на государственную службу в Сибири, не могла быть высокой¹⁷. Действительно, из 102-х уроженцев Царства Польского, сосланных за политическое преступление в разные губернии империи и проживавших в Тобольской губернии, на 1856 г. только несколько человек занимали чиновничьи должности: Онуфрий Петрашкевич служил секретарем в тобольском приказе общественного призрения, Александр Денкер - эзекутором в тобольском губернском суде, Мечислав Выржиковский и Нарциз Тхоржевский нашли работу в казенных палатах, Людвиг Вишневецкий и Александр Червинский занимались частною службой и еще двое ссыльных служили на стеклянном заводе¹⁸.

Значительно большее количество поляков занимало низшие канцелярские должности: урядников, писчих. Поступить на такую службу было намного проще и уголовным, и политическим преступникам, а также их детям, родившимся в Сибири. Например, Станислав Бахинский и Иосиф Рублевский практически с самого момента поступления в Сибирь на поселение стали работать сельскими писарями, а Иван Яшевский и Викентий Петринский - заниматься письмоводством¹⁹. Но возвратившись на родину, многие из них уже не могли найти места и обращались с просьбой вернуть их «на прежнее благодатное житье в Сибирь»²⁰.

Для поляков был открыт весь спектр чиновничьих должностей, включая службу в полиции, медицину и просвещение. Недостаток кадров на окраинах, вынуждал использовать политически неблагонадежный контингент на важнейших направлениях внутренней и внешней политики. Более того, сибирские материалы не позволяют говорить, что власть проявляла беспокойство по поводу появления иноэтничного элемента на гражданской службе. Польских чиновников не выделяли в особую группу при анализе управленческого аппарата, ни во время ревизий, ни в административной переписке²¹. «Польский мотив» появлялся лишь в том случае, когда речь шла о возможном влиянии на управление в регионе со стороны верхушки сибирского общества, в том числе со стороны польских ссыльных шляхетского происхождения. Наличие образования открывало для ссыльной шляхты двери лучших домов сибирской аристократии, а регулярная помощь богатых родственников притягивала к ним менее удачливых соотечественников. Образованное шляхетство, даже не состоя на государственной службе, оказывалось слишком влиятельным волонтером. Власти опасались влияния польских магнатов на польских ссыльных, состоявших на службе в сибирских казачьих полках и линейных батальонах, а таковых в 1833 г. насчитывалось 2296 человек²². Командир отдельного сибирского корпуса И. А. Вельяминов даже

¹⁷ R. W. Opłakańska, *op.cit.*, s. 211.

¹⁸ ГАРФ, ф. 109, 1 экспедиция. 1856, оп. 31, д. 133 ч. 2, л. 37 - 69 об.

¹⁹ ГАТО, ф. 3, оп. 54, д. 16, л. 31 об. - 32, 39 об. - 41, 46 об.

²⁰ Пример подобного прошения см.: ГАРФ, ф. 109, 1 экспедиция. 1856, опись 31, д. 133, ч. 15, л. 82 - 83.

²¹ В данный период чаще встречается противопоставление чиновников-сибиряков и чиновников, приехавших из европейской России.

²² А. С. Нагаев, «Омское дело» 1832-1833 гг., Красноярск 1991, с. 30.

обратился в Петербург с просьбой прекратить присылать в Сибирь «поляков и других наций людей, происходящих из ученого класса, шляхты и крамольников революции». Пропитанные «ненавистью ко всему священному», они «под личиною любви к отечеству ядом красноречия своего легко могут увлечь покорных и простодушных солдат бывшей Польской армии»²³.

Во время так называемого «омского дела» 1832 – 1833 гг. основной удар следствия также пришелся на сосланных в солдаты повстанцев. Гражданские служащие польского происхождения практически не пострадали. Титулярный советник В. Мицкевич, обвиненный в том, что общался с подозреваемыми поляками, вел разговоры о намерении бунта, а к русскому народу произносил ругательство, был уволен от службы и выслан из Сибири. Губернский секретарь Адам Буевич, распивавший вместе с польскими нижними чинами, попавшими под подозрение, спиртные напитки, вовсе был освобожден от наказания²⁴. Наибольшие подозрения вызвал возглавлявший омское окружное управление полковник Филипп Маркевич. Отягчающим обстоятельством стал факт его сожительства с полькой Франчишкой Лопатовой, которая ради него бросила мужа. После длительного разбирательства Маркевич был оправдан, но через год все же отправлен в отставку из армии, а Франчишку Лопатову по итогам дела было решено немедленно отослать в Вильно к законному супругу²⁵.

Немного позже по требованию Министерства внутренних дел был учрежден секретный надзор за всеми медиками, выпущенными из Виленской медико-хирургической академии с 1835 по 1840 гг.²⁶ В Западной Сибири таковых оказалось лишь двое: пельымский лекарь Никодим Баландович и березовский лекарь Игнатий Вакулинский. В 1841 г. у них, а также у невесты Вакулинского польской дворянки Ржонжевской и живущей вместе с ней дворянки Фелинской был произведен обыск, но ничего предосудительного в изъятых бумагах найдено не было²⁷. В данном случае, мера была спровоцирована недоверием правительства к выпускникам учебных заведений Западного края и не связана с ситуацией в Сибири.

Очередное польское восстания, 1863 г. снова изменило курс самодержавия по отношению к полякам. Утвердилась тенденция к сосредоточению польских подданных империи на бывших землях Речи Посполитой (или одного Царства Польского) и отчуждению их от государственной службы. Начинается борьба с наплывом поляков в российские учебные заведения, армию. Чиновничество польского происхождения стало объектом пристального внимания властей и общественности на всем пространстве Российской империи. Современники начали болезненно реагировать на концентрацию польского чиновничества в русских губерниях. «Польщизна на Руси» - так автор одной из статей в «Московских

²³ Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА), ф. 801, оп. 64/5, д. 5, ч. 13, л. 32 – 32 об.

²⁴ Там же, ч. 4, л. 368 – 369; А. С. Нараев, *op.cit.*, с. 186 – 187.

²⁵ W. Śliwowska, *Ucieczki z Sybiru*, Warszawa, 2005, s. 51, 66.

²⁶ Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО), ф. 3, оп. 2, д. 2030, л. 1.

²⁷ ГИАОО, ф. 3, оп. 13, д. 18121.

ведомостях» назвал российские города, ставшие по числу чиновников – поляков «настоящими польскими колониями». В статье речь шла о городах Тверской губернии, в том числе и о родном городе автора Калязине, где «исправник, становые – поляки; врачи – поляки; судебный следователь из русских женат на самой завзятой польке; исправляющие должности стряпчего и заседателей в уездном суде – поляки; береговой смотритель - поляк мерзавейший». «Словом, – заключает автор, – наша местность точно какой-то забранный край, в котором колонизация идет во всю ширь и глубину»²⁸. Понятно, что аналогии автор доноса проводил с ситуацией в Западном крае, ответственность за ополячивание которого была возложена имперскими властями на польское чиновничество. Это подтверждает следующее высказывание анонимного автора, описавшего ситуацию в западных губерниях России: «Главным полем интриги Поляки избрали государственную службу. Это ясно выражено в их катехизисе и еще яснее обнаружилось на самой практике. Нельзя не удивляться мастерству, с каким они пользовались для своих целей служебным попранием: как искусно захватывали они в свои руки все нужные им пружины, от самых низших до самых высших служебных сфер, и с каким успехом действовали ими. – Проникнув всюду, овладев всеми местными канцеляриями и присутственными местами, добившись влиятельных должностей во всех отраслях администрации, и водворив деятельных и опытных агентов в самых центрах государственного управления, польская интрига хозяйничала у нас везде и, в последнее двадцатилетие достигла такого влияния на дела Западного края, что самая полная и энергичная местная власть с трудом могла бороться с нею»²⁹.

Подобная риторика довольно быстро распространилась на Сибирь, где росту полонофобских настроений способствовала масштабная ссылка участников Январского восстания. Поляки-чиновники становятся героями многочисленных доносов. Доносители подчеркивали неправомерность занятия поляками тех или иных должностей, покровительство полякам со стороны представителей высшей сибирской, часто в ущерб русским чиновникам и потворство политическим ссыльным. «Многие из чиновников польского происхождения, как слышно, не оказавшие никаких отличий и заслуг, получили лучшие должности», - информировал генерал-губернатора полковник корпуса жандармов В. П. Рыкачев³⁰. В качестве примера он называл чиновника Залесского, который прослужил в России до 30 лет и не занимал классных должностей, а в Тобольске сразу получил место судьи. По мнению доносчиков, такие карьерные подвиги не могли произойти без протекции тобольского губернатора А. И. Деспот-Зеновича. Со времени его прибытия в Тобольск большая часть опытных русских чиновников была заменена поляками. «Пользуясь оказываемым им расположением, превосходом образованием и по вкрадчивому своему характеру», поляки приобрели большое доверие, как лиц служащих, так и граждан³¹.

²⁸ ГАРФ, ф. 109, Секретный архив, оп. 2а, д. 812, л. 1 – 1 об.

²⁹ ГАРФ, ф. 1463, оп. 4, д. 7, л. 9 об. – 10.

³⁰ ГИАОО, ф. 3, оп. 13, д. 18510, л. 8 – 8 об.

³¹ ГАРФ, ф. 109. 1 экспедиция. 1866, д. 217, ч. 7, л. 7, 15 об.-16.

Кроме политических мотивов подобное отношение к польскому чиновничеству со стороны сибирских обывателей стало реакцией на быстрый карьерный рост поляков за Уралом, а возможно имел место также момент конкуренции между российскими и польскими чиновниками. «Здесь в Тобольске житье самое трудное, особенно для нас, русских чиновников, не имеющих протекции,» - жаловался Андрей Соколов, судя по контексту не имеющий места службы. «Должностей не дают, а занятия частным письмоводством в каком-либо присутственном месте недоступны. Все присутственные места здесь наполнены поляками, и даже на должности волостного писаря и их помощников в округах Тобольской губернии помещаются все поляки, и к ним особенно и имеет благорасположение начальник губернии, который сам коренной поляк»³². Схожие настроения и взгляды высказал Николай Тимковский из Тобольска в 1866 г.: «Мы доведены до крайней нищеты, потому что здесь не встретишь сочувствия, сердца сибиряков холоднее льдов сибирских. Будь мы ссыльные поляки, тогда не терпели бы нужды, потому что губернатор Поляк наводнил ими все присутственные места, а из угоднения ему и частные лица дают им у себя места. Мы же, русские должны пресмыкаться, прося подавания, которого редко добьешься»³³.

Интересны механизмы идентификации польского чиновничества, используемые доносителями. Прежде всего, они обращали внимание на звучание фамилий. Формулировка «лица польских фамилий» оказалась довольно удобной для описания враждебной интересам правительства и русского народа силы. Подобно другому бюрократическому клише, появившемуся в XX в. - «лица кавказской национальности» - эта формулировка не требовала уточнения этнического происхождения, вероисповедания и тем более идентичности. Другим критерием идентификации польского чиновничества становится религия. Быть католиком для чиновника становится также опасно, как и иметь польскую фамилию. Жандармский майор Тиц следующим образом акцентировал внимание на подозрительных служащих Томской губернии: «Например, состав Врачебной Управы. Инспектор ея Маткевич, католик, давал у себя приют, назначенным на каторгу товарищам по университету... Городовой Врач Поцелуевский тоже католик, член Управы доктор Зацкевич, тесть Маткевича тоже католик. ... Все выше поименованные лица ведут большую дружбу с сосланными поляками»³⁴. В случаях, когда этих факторов оказывалось недостаточно, использовался термин «ополячившиеся», который можно было применять и к представителям других этносов, подвергшимся польскому влиянию.

Гораздо сложнее было доказать, что чиновник не является поляком. В данном случае логика идентификации оказывалась более сложной. Кроме традиционных критериев: происхождения и веры, большую роль приобретают «убеждения», то есть политические взгляды. Именно по такой формуле характеризует подчиненных херсонский управляющий акцизными сборами Ю. Тимченко, до-

³² ГАРФ, ф. 109, Секретный архив, оп. 2а, д. 806, л. 1.

³³ Там же, л. 2.

³⁴ ГИАОО, ф. 3, оп. 4, д. 6221, л. 72.

казывая, что они не поляки: Случевский сын русского дворянина Черниговской губернии и русской купчихи, отец и мать православные и сам он ненавидит поляков; Манчет же русский, отец его уроженец Ревеля, лютеранин, потомственный дворянин, мать православная, и Манчет (сын) православный, «его убеждения, как истинно русского, настолько сильны и тверды, что никакие польские тенденции не в состоянии их поколебать»³⁵. Особый вес убеждения и верноподданнические чувства приобретали тогда, когда чиновник, на которого давалась характеристика, являлся не только уроженцем польских губерний, но и католиком. Так А. И. Деспот-Зенович в защиту чиновника К. Слотвинского скажет, что тот «жил и вращался исключительно в среде русских», «всегда сознавал в себе русского, исполненного глубоких верноподданнических чувств; женат на православной»³⁶. Интересно, что жена – католичка в глазах националистически настроенной части российского общества являлась отягчающим обстоятельством для русского чиновника, а жена – православная – смягчающим – для поляка.

Поляки-чиновники подверглись бдительному контролю администрации. Главное управление Западной Сибири рекомендовало не принимать польских уроженцев на службу в военные учебные заведения³⁷, а генерал-губернатор Западной Сибири А. П. Хрущов обратился в Петербург с просьбой: не назначать более в Западную Сибирь медиков польского происхождения и перевести из региона всех чиновников почтового ведомства католического исповедания. В результате работы Омской и Томской следственных комиссий многие чиновники польского происхождения были уволены, несмотря на нехватку кадров.

Сложнее было найти должность и политическим ссыльным. В начале ссылки образованная шляхта массово устраивалась в присутственные места в качестве вольнонаемных, но в 1866 г., в разгар деятельности омской следственной комиссии значительная их часть была уволена. Нехватка кадров свела на нет многие запреты и вынудила вновь обратиться к услугам политических преступников, но доступ к государственной службе польские ссыльные получили только в начале 1870-х гг., и каждый раз в таком случае надлежало спрашивать разрешение самого императора.

Таким образом, польские восстания и массовая ссылка их участников способствовала всплеску полонофобских настроений в российском обществе. После восстания 1830 – 1831 гг. это мало отразилось на польской шляхте, состоявшей на службе в Сибири. Вопрос идентификации польского чиновничества не беспокоил местные власти, основное внимание которых занимали польские ссыльные, служившие в сибирских гарнизонах. Ситуация изменилась после восстания 1863 г. В Сибирь проникают фобии и стереотипы, сложившихся на западных рубежах империи. В результате польское чиновничество становится в глазах властей политически опасным элементом. Необходимость уточнения масштабов угрозы спровоцировала попытки властей выработать критерии идентификации

³⁵ ГАРФ, ф. 109. 1 экспедиция. 1866, д. 217, ч. 2, л. 13, 14.

³⁶ Там же, ч. 3, л. «Б», т. 2, л. 518 – 518 об.

³⁷ ГИАОО, ф. 19, оп. 1, д. 156, л. 13 – 13 об.

поляков. При этом власти старались использовать видимые внешние этнические признаки, позволяющие широко толковать польскость. Это создавало возможность включать в категорию подозрительных служащих любого неудобного чиновника, если не как поляка, то в качестве ополячившегося. Попытки защитить польских чиновников от подозрений сопровождались формулировкой иного варианта внешней идентификации, предусматривавшего замену внешних этнических признаков принципами лояльности власти и особенностями внутренней идентичности.

BIBLIOGRAFIA

Caban W., *W służbie Imperium czy ofiary Imperium? Polacy w carskim korpusie oficerskim w XIX wieku*, [w:] *Ofiary imperium. Imperia jako ofiary. 44 spojrzenia. Materiały z konferencji „Polityczna, społeczna i cywilizacyjna przemoc w praktyce i koncepcjach Imperium Rosyjskiego i ZSRR. Idee antyimperialne i rozpad imperiów w Europie Wschodniej*, Warszawa 2010.

Chaniewicz W., *Polacy na służbie w policji guberni tomskiej od XIX do początku XX wieku*, [w:] *Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku*, Wrocław 2007, s. 247 – 261.

Oplakańska R. W., *Polacy na służbie państwowej w Syberii Zachodniej w drugiej ćwierci XIX wieku*, [w:] *Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku*, Wrocław 2007

Śliwowska W., *Ucieczki z Sybiru*, Warszawa 2005.

Волков С. В., *Почему РФ не Россия* [Электронный ресурс] URL: <http://swolkov.org/russia/russia-142.htm> (дата доступа: 15.08.2017).

Горизонтов Л. Е., *Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX - начало XX в.)*, Москва 1999.

Григоричев К. В., *В ловушке номинаций: этнические группы в социальном и историческом исследовании*, [w:] *Польские ссыльные с Сибири во второй половине XVIII – начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири: Сб. науч. тр.* Омск 2015, с. 185 – 191.

Матханова Н. П., *Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации*, Новосибирск 2002.

Матханова Н. П., *Поляки на государственной службе в Сибири: проблемы интеграции до и после Январского восстания*, [w:] *Проблемы российско-польской истории и культурный диалог: материалы Международной научной конференции (Новосибирск, 23 – 24 апреля 2013 г.)*. Новосибирск 2013, с. 135 – 142.

Нагаев А. С., *«Омское дело» 1832–1833 гг.* Красноярск 1991.

Островский Л. К., *Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века: монография*, Новосибирск 2016.

Растягаева Г. И., *Чиновничий аппарат Главного управления Западной Сибири: 1822–1882 гг.*, Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02, Омск 2006.

Ремнев А. В., *Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в.*, Омск 1995.

Скубневский В. А., *Поляки на Алтае (XIX – начало XX)*, [w:] *Польская интеллигенция в Сибири XIX – XX вв.: Сб. материалов межрегион. тематич. чтений «История и культура поляков Сибири» 2006 – 2007 гг.*, сост. и подгот. к изд. С. В. Леончик, Красноярск 2007.